

Политические идеи Лейбница

Роман Вершилло

04/10/21

Мы продолжаем наш лекторий «Политический гностицизм». Сегодня я решил ввести в оборот еще одно имя: Лейбниц Готфрид Вильгельм. Знаменитый немецкий философ (1646 — 1716) был знаком с Петром Первым, императором Всероссийским. Они неоднократно встречались в 1711, 1712 и 1716 гг. в Торгау на Эльбе, Карлсбаде и Ганновере.

Лейбниц был чистым рационалистом, то есть как раз тем, кого должны откровенно ненавидеть наши православные модернисты, которые все сплошь враги разума, иррационалисты.

Лейбниц был сторонником экуменического христианства, естественной теологии. При этом его экуменизм рождался из веры в разум, как сейчас экуменизм рождается из неверия в разум. Иными словами, у Лейбница много неверного, и все оттого, что он считал свет философии всесильным и философски объяснял учение о спасении.

Однако в области политической философии он видел ясно одну важную истину:

- Бог сотворил мир абсолютно совершенным. Наш мир — наилучший из всех возможных миров.

И другую:

- Зло, как грех, существует, но не искажает Божественный миропорядок, потому что находится в своем месте.

Тем самым, Лейбниц отрицал мир случайности, вымышленный атеистами, мир без Бога, как Первопричины. Он отрицал мир бесформенный, бесконечный.

Что же он ставил вместо случайности? Согласно Лейбницу, все истинно сущее имеет свои разумные основания. Каждое действие имеет достаточное основание, и эти основания могут быть согласны с разумом или нет. То есть нет просто «свободы». Не существует голый способности делать все, что хочешь. В системе Лейбница свобода как произвол невозможна. Тот, кто думает поступать свободно, просто обманывает сам себя.

Лейбниц пишет:

- «Всякий свободный акт необходим»[1, С. 178].
- «Разум без свободы был бы совсем бесполезен, а свобода без разума не имела бы никакого значения»[1, С. 209].

Лейбниц с успехом участвовал в тогдашних спорах о сознании человека: представляет ли оно собой чистый лист бумаги (*tabula rasa*), или имеет свое содержание. Для Лейбница человек — не чистый лист бумаги. Человек рождается с врожденными идеями. Человек не все приобретает своим трудом, через опыт, у него есть то, что вложено в него Богом при сотворении.

Далее Лейбниц утверждал, что для чистых истин нужно не опытное, а умозрительное познание.

Первоначальные истины не случайны и не зависят от человека.

Идея — это объект мысли, а не сама мысль. Познание происходит так: мы обращаем внимание на идеи, которые у нас уже есть, и созерцаем их, связываем их. Идеи постоянны и врождены нам, как мы врождены сами себе.

То есть, что бы ни говорили иррационалисты и представители обезглавленного разума, человек не может поступать против того, что ему подсказывает его разум.

«Я полагаю, что произвольное содержится только в словах, а вовсе не в идеях, так как они выражают только возможности», — пишет Лейбниц[1, С. 302].

Короче говоря, свобода без разума — это просто слово (из патологической речи, конечно).

Лейбниц признает, что человек способен поступить и против разума. Но это не одна и та же возможность: поступить правильно и поступить неправильно. Неразумное действие как раз несвободно, и оно не равновесно с действием разумным.

Исходя из своих принципиальных положений, Лейбниц отдал много сил для решения вопроса о том, как безошибочно обнаруживать истинные идеи, и как их правильно соединять. Здесь он отдавал должное средневековой схоластике как дисциплине ума, столь ненавистной уже Лютеру и другим реформаторам.

В рассуждении о делах человеческих Лейбниц образцом считал ответы древнеримских юристов, в частности, собранные св. Императором Юстинианом в Дигесты. Под влиянием этих юристов, Лейбниц задумывался об универсальном счислении в делах человеческих. Это счисление должно было соответствовать роли математики в изучении природы.

Вот я сделал самый краткий обзор идей Лейбница. Как ни странно, в его выводах и подходах было мало общего с эпохой Просвещения. В основном он противопоставлял себя философам-просвещенцам, критиковал Декарта, Спинозу и Гоббса. Паскаля же он упрекал за антиюридикализм.[2, Р. 12]

Лейбниц видел, что атеисты, которые расцвели в его время, используют свет философии для затемнения истины.

Для нас ход мысли Лейбница интересен в связи с нашей полемикой с православным модернизмом. Для модернистов принципиально важно — в этом собственно и состоит вся их вера — что человек может в любой момент поступить как угодно. Отсюда все эти бесконечные уверения, что Бог не имеет власти над душой человека, не принуждает человека, не убеждает его и ничего ему не доказывает. От этого происходят и невероятные утверждения о том, что Бог верит в человека и др. (см. учение митр. Антония Сурожского[3]).

Весь этот ход патологической мысли был для Лейбница полной невозможностью, как и иррационализм, антиюридикализм и поклонение мифу о свободе. И вот что важно: абсолютная свобода человека, которую исповедуют модернисты, это собственно абсолютная власть, и эта власть политическая по своему характеру.

Итак, мы можем иногда пользоваться Лейбницем, изучать его сочинения, и, в особенности, политические идеи Лейбница.

Политические идеи Лейбница

Я предложил это введение, чтобы рассказать о политических идеях Лейбница. Они связаны с его воззрениями, о которых я только что рассказал, и вы это увидите.

Лейбниц, как иринически настроенный мыслитель, подходит к политике тоже как примиритель. Но как философ он не шел путем компромисса.

И тут мы имеем странную картину. С нашей точки зрения, которая у нас возникла из опыта войн и тираний, мир наступает тогда, когда некто с превосходящей всё силой уничтожает всех своих противников. В обществе и в международной политике все воюют против всех, и значит тот, кто стремится к миру, должен уничтожить или поработить всех остальных людей и народы.

Надо понимать задачу, которую себе ставит политика силы: частичная победа не годится. Надо победить не того или иного противника. Недостаточно перевернуть только то и это. Нужно поработить всех, возвыситься над всеми, изгнать всех из своего мира. Наконец, надо создать свой мир, из которого никто не может убежать. Вот каков единственный способ установить мир в обществе и найти покой своей душе, перестать бояться за свою жизнь.

Даже самые безумные революционеры и тираны понимают, что достичь полного покоя невозможно и что нужно найти компромисс с другими такими же сумасшедшими тиранами и революционерами. И все равно для верующего в абсолютную свободу человека идеалом остается только глобальная и замкнутая тирания.

В лице Лейбница перед нами мыслитель, политический философ, который предлагает вместо этого свободного стремления к абсолютной власти политику в ее старом античном и христианском смысле общественного блага и сотрудничества.

Такой выход к политике возможен и для нас, но люди как правило избирают даже в религии путь предательства, компромисса. Люди идут на компромисс, потому что закрывают глаза (себе и другим) на истинное положение вещей. На какое же? На войну всех против всех. Они примиряют ислам и Христианство, устанавливают вечный мир во всем мире, и все в таком духе. И это тоже проявление всевластия, хотя во вроде бы мирном духе.

Лейбниц предлагал иной путь примирения. Он понимал, что христианам в этом мире придется страдать, а не идти на компромисс.

Свидетельство природы против атеистов

Теперь давайте рассмотрим пристально, как рассуждает Лейбниц. Возьмем его сочинение «Свидетельство природы против атеистов» (1668 год).

Лейбниц пишет: «Телесные явления не могут быть объяснены без бестелесного начала», т. е. Бога [4, С. 78]. Сразу после этого Лейбниц показывает, что атеизм является политической проблемой. Он рассуждает:

И вот некоторые проникательные люди стали делать попытки объяснить существование явлений природы, или феноменов, наблюдаемых в телах, без допущения Бога и не принимая его в расчет. Вскоре, после некоторых успехов (разумеется, пока дело не дошло еще до первоначал и оснований), они, как бы на радостях от своей удачи, поспешили объявить, что не могут объяснить естественным путем ни Бога, ни бессмертия души, но что вера в эти вещи обязана своим происхождением гражданским установлениям или историческому преданию; так думал остроумный Гоббс, который за свои открытия заслуживал бы того, чтобы здесь умолчать о нем, если бы я не считал нужным прямо выступить против его авторитета, который может произвести дурное действие. [4, С. 78]

Вы видите, как Лейбниц привлекает политическую философию к анализу идей атеистов.

Как же рассуждают атеисты-государственники? Вера (Православие, например) обязана своим происхождением гражданским установлениям или историческому преданию. Это общая мысль, и из нее исходят в современных спорах. Атеисты говорят, что вера бесполезна, а православные — что полезна.

Но вернемся к исходному положению Лейбница: «Телесное невозможно объяснить без бестелесного начала». Значит, и объяснение таких объектов, как Церковь, вера, должно быть духовным, а не телесным.

Если же у атеистов духовного объяснения нет, то все гражданские установления и предания будут для них случайными. Они не могут быть утверждены ни на чем.

Допустим, что так и есть. Ведь современные атеисты — они же анархисты, и их не пугает произвольность любого порядка в человеческом обществе. Нужно силой установить порядок, а разумен ли он, никого не заботит.

Но Лейбниц доказывает больше того. Он показывает, что атеисты — принципиальные разрушители порядка, даже если они признают, что вера возникла исторически и что она полезна для порядка в обществе. На атеистическом основании мир в обществе не может установлен. И Лейбниц прекрасно показал это в своем письме к крупнейшему либеральному идеологу Томасу Гоббсу.

Лейбниц и Гоббс

Один из философов-атеистов - Томас Гоббс. О нем мы говорили несколько раз. Он, как вытекает из логики Лейбница, является разрушителем общественного порядка. Но Гоббс, как ни странно, был сторонником сверхсильного, авторитарного государства, построенного на принудительном единомыслии. Принудительном, то есть буквально под страхом смертной казни.

Больше того, Гоббс - один из первых философов, чье слово стало делом. Гоббс не просто философ, он один из первых идеологов и теоретиков нового государства. Он прямо-таки идеальный политик для нашего времени: сторонник порядка, защитник государственной религии, чего же вам больше? Его можно принимать в число идеологов Всемирного русского собора.

Лейбницу была как раз понятна абсурдность такой позиции *остроумного* Гоббса (это Лейбниц так его называет: *subtilissimus*). Он считал ее просто утопической, нереализуемой. Он пишет:

Наш современник Томас Гоббс... утверждает, что сама истина вещей выражается в именах и, что еще важнее, зависит от человеческого произвола, потому что истина якобы зависит от определений терминов, а последние - от человеческого произвола. [5, С. 90]

В то же время, в своем примирительном (но не компромиссном) ключе Лейбниц хотел видеть нечто интересное у Гоббса. Антимодернистов часто упрекают в их враждебном тоне. Может быть, мы научимся у Лейбница, как признанного сторонника мира?

Что же Лейбниц видит любопытное у Гоббса? Чтобы узнать это, рассмотрим письмо Лейбница Гоббсу.

«Славнейшему мужу Томасу Гоббсу»

Письмо «Славнейшему мужу Томасу Гоббсу» не окончено, не отправлено и не имеет никакой даты, однако из содержания его видно, что оно писалось автором в Париже и ориентировочно может быть отнесено к 1674 г.[6] То есть Лейбницу было 28 лет, а Гоббсу 86, и не удивительно, что Лейбниц считал себя юнцом по сравнению с Гоббсом.

Я предлагаю прочитать это письмо с небольшими комментариями.

Лейбниц обращается к Гоббсу: «Достославнейший муж»,

Давно уже я перечитываю Твои сочинения, достойные века, достойные Тебя, который первым осветил яркими лучами гражданской науки (*scientia civilis*) тот правильный способ рассуждения и доказательства, который древние предвидели как бы сквозь туман.[7, С. 112]

То есть Лейбниц видит у Гоббса правильный способ рассуждения и доказательства.

Лейбниц продолжает:

Но в книге «О гражданине» Ты, можно сказать, превзошел самого себя, проявив такую силу мысли, такую основательность суждений, как будто не излагаешь науку, а вещаешь прорицания. Меня не устрашают парадоксы и не увлекают приманки новизны, и я счел, что предприму небесполезный труд, если попытаюсь коренным образом исследовать внутреннюю ткань твоего учения, ибо мне несвойственно возражать на заключения, пренебрегая доказательствами, которыми их подкрепляет автор.[7, С. 112]

Здесь Лейбниц указывает, что не согласен с заключениями Гоббса. Однако внутренняя ткань учения Гоббса, его способ доказательства представляется Лейбницу заслуживающим интереса.

Начиная книгу с рассмотрения человеческой природы, Ты говоришь, что человеку не менее, чем животному, свойственно стремление захватить все встретившееся ему, что, как он надеется, может удовлетворить его потребности, и что эту надежду обуздывает только страх, который внушают силы других устремляющихся на то же самое. Установив, что каждый имеет право на то, что представляется ему необходимым для обеспечения его безопасности, и что каждый является судьей своих надобностей, Ты легко пришел к выводу, что следствием такого положения вещей будет справедливая война всех против всех. Но так как в этом взаимном смертоубийстве силы уравнивались тем обстоятельством, что и самый сильный мог быть убит самым слабым, то возникли поиски мирного соглашения.[7, С. 112-113]

Здесь Лейбниц излагает суть учения Гоббса о войне всех против всех. Государство, согласно Гоббсу, возникает из того очевидного факта, что правителем становится не всегда самый сильный, а нужно соглашение всех, потому что все вместе люди сильнее самого сильного из них.

Лейбниц не протестует против этого рассуждения:

До сих пор у меня нет возражений; не буду говорить о том, что лучше переносить обиды в этой жизни, чем отражать их с ущербом для жизни будущей, и не буду повторять других возражений, выдвинутых против Тебя богословами и юристами: я хорошо понимаю, что Твои доказательства, как в геометрии, имеют общий, отвлеченный от материи характер.[7, С. 113]

Хотя Лейбниц говорит, что у него нет возражений, он их как раз перечисляет. И делает это очень своеобразно для своего времени и для нашего тоже.

Лейбниц рассуждает в духе христианской политической философии. Да, в мире идет война всех против всех, но из нее изъяты христиане, потому что согласные скорее «переносить обиды в этой жизни, чем отражать их с ущербом для жизни будущей».

Теперь мы видим, что способ доказательства, который нравится Лейбницу у Гоббса, носит общий, отвлеченный от материи характер. В жизни все не так, и причина этому - существование христиан.

Далее Лейбниц переходит к атеизму Гоббса.

Предоставляя каждому право делать все ради самосохранения, Ты не отрицаешь, что если есть некий Всемогущий, если есть будущая жизнь, предназначенная для воздаяния... [7, С. 113]

Здесь Лейбниц делает вид, что не знает об истинных атеистических убеждениях Гоббса. На самом деле у Гоббса нет ничего такого, что приписывает ему Лейбниц. Гоббс рассуждает, как раз исходя из того, что Бога нет, что будущей жизни нет, как нет и воздаяния за гробом.

Итак, если Бог есть, то

этим не столько отменяется справедливость Твоих теорем, сколько устраняется их применение. [7, С. 113]

Как это мягко выражает Лейбниц! Рассуждение твое правильное, но в действительности нет ничего похожего, потому что Бог есть. Значит, продолжает Лейбниц,

благополучие каждого состоит в ожидании лучшей жизни и справедливым будет все, что представляется каждому способствующим получению ее в удел; наконец, и защита нынешней жизни не возбраниется божественным правом, хотя она и перестает быть высшей ценностью. [7, С. 113]

То есть рассуждение у Гоббса верное и прекрасное, но применять его в политике невозможно. Почему? Потому что есть христиане, которые ожидают лучшей жизни и справедливо поступают ради этой жизни. И это не какое-либо непротивление злу: можно защищать свою жизнь, но это не является высшей ценностью. А для Гоббса, напротив, все служит одной высшей цели: выживанию человека.

Кажется, нечего добавить к такому разбору. Гоббс предлагает неверные выводы из неверных первых посылок, хотя и делает это прекрасным образом, геометрически.

Критика Гоббса как идеолога

Но мы должны вернуться к тому, что Лейбниц критиковал не просто философа, но и идеолога, одного из первых, или даже самого первого идеолога. Слова Гоббса стали делами, по его правилам созданы современные государства (антигосударства). Для политиков силы его логика остается неопровержимой до сего дня.

Гоббс - идеолог, и значит, его предложения имеют только тот смысл, что они практически служат устройению прочного мира. То есть тут разговор не о вере в Бога или неверии, не о том, верно или неверно мыслит Гоббс в своей метафизике и психологии, а о политике.

Каждый идеолог предлагает тот или иной план совместной мирной жизни, исходя из верных или неверных предпосылок. И мы должны понять, осуществим ли этот план, принесет он мир или нет.

Если план Гоббса неосуществим или получившееся в результате общество не будет мирным, если не остановится война всех против всех, то этим уничтожается вся система Гоббса, будь она сто раз верной.

Вот теперь это намерен показать Лейбниц. Он пишет:

Итак, исследованию теперь подлежит вопрос, каким образом можно укрепить достигнутый мир, ибо если он ненадежен, то остается состояние войны и право для каждого упредить возможного противника. С этой целью, говоришь Ты, изобретены государства, которые по общему соглашению большинства вооружены и могут всем обеспечить безопасность. [7, С. 113]

Государство обеспечивает безопасность своих членов. Допустим, это так. Люди богатые или среднего достатка, буржуа, люди, устроившиеся в обществе, да, все они пользуются благами общественной безопасности.

Однако из этой безопасности исключены весьма многие, а именно все те, кто *уже* не находится в безопасности. Бедные, нищие, несчастные и все преступники изъяты из этого взаимного страха. Они и так находятся под угрозой справедливой или несправедливой смерти или же ведут несчастную жизнь. На них вся эта система благополучия, которую спланировал Гоббс, не распространяется. В наше время многие люди тоже находятся в опасности, и поэтому благами общественного порядка их соблазнить нельзя.

Лейбниц последовательно вскрывает эту сторону утопии Гоббса:

Хотя Ты, по-видимому, утверждаешь, что все право передано подданными государству, однако в другом месте Ты правильно признаешь, что и внутри государства сохраняется право защищать себя, если угрожает гибель либо в государстве, либо со стороны самого государства; так, если кому по приказу властителей угрожает казнь, то он имеет право все ниспровергнуть ради своего спасения; но прочие в силу первичного договора обязаны покоряться правителям. [7, С. 113-114]

То есть преступник (согласно атеисту и аморалисту Гоббсу) такой же человек, как и все остальные, и значит, он имеет право на самозащиту от государства. Все несчастные имеют то же право и могут составлять заговоры против порядка, замечает Лейбниц:

Если неопровержимо явствует, что подвергаются преследованию невинные, если непрерывно свирепствует произвол тирании, то Ты, полагаю, признаешь, что, и согласно предписаниям Твоей философии, те, кто стоит перед этой опасностью, вправе вступать в заговоры. [7, С. 114]

Вроде бы речь идет только о тирании, но государство Гоббса - это всегда тирания. Новое идеологическое государство (а сегодня таковы все государства) это тирания.

Лейбниц продолжает:

И я вполне согласен с Тобой, что простой народ поступит правильно, если ради достойной жизни без страха пожертвует своим покоем, повинаясь чувствам негодования, сожаления и другим душевным движениям. [7, С. 114]

Итак, логика Гоббса допускает революцию, она заранее предполагает ее. Государство Гоббса - это и есть сама революция, поставленная в некоторые рамки.

Новый порядок Гоббса не проникает в суть вещей, не вносит никакого мира в дела человеческие. Тирания сковывает беспорядок силой государства, но этот новый порядок может быть в любой момент оспорен как произвольный, ни на чем не основанный, кроме расчета и пользы.

Лейбниц суммирует идеологию Гоббса:

Поэтому итог всего, что Ты говоришь о верховной власти, по-видимому, сводится к следующему: в государстве не так легко и не при столь маловесных подозрениях может нарушаться договор, ибо он предоставляет большую безопасность. Но

делает свое примечание Лейбниц:

еще гораздо большим было терпение древних христиан, которые относились к государству с каким-то, сказал бы я, непротивлением. [7, С. 114]

Таков последний удар, нанесенный Лейбницем Гоббсу. Ничто не служит миру, где собрались безбожники. Установлены тирании, против них устраивают революции, и все равно остаются недовольные революционным порядком.

Но даже не это наносит смертельный удар идеологии, а то, что из мира невозможно устранить христиан, невозможно устранить мораль, бытие Божие.

Нам осталось понять, за что хвалит Лейбниц *достолавнейшего* Гоббса. Не лицемерие ли это со стороны Лейбница?

Нет, Лейбницу действительно нравится геометрическое доказательство (*modo geometrico*). Рассуждение Гоббса верно вскрывает элементы политической ситуации.

Доказательство Гоббса показывает, что нельзя в политическом рассуждении об обществе обойтись без Промысла Божия, без души человека, без морали. «Телесные явления не могут быть объяснены без бестелесного начала» [4, С. 78].

В историческом, в фактическом плане идеологическое государство не может переварить, пристроить в себе христиан, потому что христиане проявляют удивительное терпение перед лицом бедствий, которые им доставляет новое государство.

Вот какой урок мы извлекли из учения Лейбница, и вот какое мирное настроение было присуще этому философу-рационалисту.

Список литературы

- [1] *Лейбниц Г.В.* Новые опыты о человеческом разумении / Пер. П.С. Юшкевича // Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 2. С. 47–546.
- [2] *Riley P.* Leibniz' universal jurisprudence. Cambridge, Mass., London: Harvard University Press, 1996. 352 p.
- [3] *Вершилло Р.А.* О мировоззрении митрополита Антония Сурожского // Эсхатологическое обозрение. 2007. URL: <https://vershillo.wordpress.com/2007/09/11/01-26/> (дата обращения: 09.04.2021).
- [4] *Лейбниц Г.В.* Свидетельство природы против атеистов / Пер. В.П. Преображенского // Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1982. Т. 1. С. 78–84.
- [5] *Лейбниц Г.В.* Предисловие к изданию сочинения Мария Низолия / Пер. Н.А. Федорова // Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 3. С. 54–96.
- [6] Примечания Я.М. Боровского // Г. В. Лейбниц. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1982. Т. 1. С. 576–577.
- [7] *Лейбниц Г.В.* Славнейшему мужу Томасу Гоббсу Готфрид Вильгельм Лейбниц / Пер. Я.М. Боровского // Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1982. Т. 1. С. 112–114.